

МУДРОСТЬ Ф. ЛАРОШФУКО В КНИГЕ «МАКСИМЫ И МОРАЛЬНЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ»

А. В. РУБАНОВ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Рассмотрены взгляды Ф. Ларошфуко, согласно которым жизнь человека есть результат взаимодействия судьбы, случая с одной стороны и воли, человеческих поступков с другой стороны. Установлено, что страсти управляют поведением людей и определяют их настроение, воздействие страстей сильнее влияния разума, а способность человека познать мир своих страстей, овладеть ими и даже скрыть их от других весьма ограничена. Отмечено, что одной из самых сильных человеческих страстей является гордость. Показано, что Ф. Ларошфуко подвергал поступки людей разностороннему критическому анализу и указывал на необходимость большей объективности и самокритики человека по отношению к себе. Выделены положительные черты характера: бесстрашие, великодушие, доброта и искренность.

Ключевые слова: личность; поведение; страсти; разум; характер; самолюбие; добродетели; пороки.

THE WISDOM OF F. LA ROCHEFOUCAULD'S IN THE BOOK «MAXIMS AND MORAL REFLECTIONS»

A. V. RUBANAU^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. The views of F. La Rochefoucauld are considered, according to which human life is the result of the interaction of fate, chance, on the one hand, and will, human actions, on the other. It is noted that passions guide behaviour and determine the mood of people. The influence of passions is stronger than the influence of reason. The ability of a person to know the world of his passions, master them and even hide them from others is very limited. One of the strongest human passions is pride. Pride sets in motion both virtues and vices. Analysing the tactics of human actions, F. La Rochefoucauld subjects them to a versatile critical analysis, points out the need for greater objectivity and self-criticism of people in relation to themselves. Positive traits of character are highlighted: fearlessness, generosity, kindness and sincerity.

Keywords: personality; behaviour; passions; intelligence; character; self love; virtues; vices.

Ф. Ларошфуко принадлежал к известному аристократическому роду и воспитывался при французском королевском дворе. Результатом его многолетнего общения с людьми придворного круга, чьи нравы философ изучил досконально, поскольку играл в нем видную роль, стал сборник афоризмов «Мак-

симы и моральные размышления». И хотя он представляет собой описание кодекса поведения преимущественно придворных людей, тонкие и отчасти саркастические наблюдения Ф. Ларошфуко, а также нормы и правила, отраженные в данном труде, имеют большое значение.

Образец цитирования:

Рубанов АВ. Мудрость Ф. Ларошфуко в книге «Максимы и моральные размышления». *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2024;2:37–46.
EDN: HSWARJ

For citation:

Rubanau AV. The wisdom of F. La Rochefoucauld's in the book «Maxims and moral reflections». *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2024;2: 37–46. Russian.
EDN: HSWARJ

Автор:

Анатолий Владимирович Рубанов – доктор социологических наук, профессор; профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук.

Author:

Anatoly V. Rubanau, doctor of science (sociology), full professor; professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences.
rubanov.bsu@gmail.com

Жизнь человека, согласно Ф. Ларошфуко, есть своеобразный результат взаимодействия и взаимопереплетения его воли и действий, а также судьбы и случая. Что касается соотношения судьбы и случая, то о роли второго писатель говорил реже. Судьба чаще оказывает благотворное влияние на жизнь, хотя и относится к людям весьма избирательно: «Наши поступки словно бы рождаются под счастливой или несчастной звездой; ей они и обязаны большей частью похвал или порицаний, выпадающих на их долю» [1, максима 56]; «Каких только похвал не возносят благоразумию! Однако оно не способно уберечь нас даже от ничтожнейших превратностей судьбы» [1, максима 65]; «Наделяет нас достоинствами природа, а помогает их проявить судьба» [1, максима 153]; «Судьба исправляет такие наши недостатки, каких не мог бы исправить даже разум» [1, максима 154]; «Судьба все устраивает к выгоде тех, кому она покровительствует» [1, максима 60]. Судьбы людей несхожи, однако «равновесие в распределении благ и несчастий как бы уравнивает их между собой» [1, максима 52]. Некоторые люди, кому «на роду написано быть глупцами... делают глупости не только по собственному желанию, но и по воле судьбы» [1, максима 309].

Случай, как пишет Ф. Ларошфуко, занимает существенное место в жизни человека: «Как бы ни кичились люди величием своих деяний, последние часто бывают следствием не великих замыслов, а простой случайности» [1, максима 57]; «Наше здравомыслие так же подвластно случаю, как и богатство» [1, максима 323]. У многих людей есть скрытые свойства, и «обнаружить их может только случай» [1, максима 344]. Плохие качества, как и хорошие, «неопределенны и сомнительны, и почти всегда они зависят от милости случая» [1, максима 470].

Как относится сам человек к власти судьбы и случая над ходом его жизни? Прежде всего, он в нее верит: «Мы лишь тогда осмеливаемся проявлять неверие в силу и влияние небесных светил, когда речь идет о делах несущественных» [1, максима 302]. Французский мыслитель давал несколько советов о том, как человеку обращаться со своей судьбой. Во-первых, с ней «следует обходиться, как со здоровьем: когда она нам благоприятствует, наслаждаться ею, а когда начинает капризничать, терпеливо выжидать, не прибегая без особой необходимости к сильнодействующим средствам» [1, максима 392]. Во-вторых, «нужно уметь искусно пользоваться всем, что предлагает судьба», и это поможет стать великим человеком [1, максима 343]. Ф. Ларошфуко напоминал: «Судьбу считают слепой главным образом те, кому она не дарует удачи» [1, максима 391].

Однако жизненный путь человека определяется не только судьбой и случаем, но и его поведением. Как писал мыслитель, «миром правят судьба и прихоть» [1, максима 435], т. е. надуманное, капризное

желание, а «наши прихоти куда причудливее прихотей судьбы» [1, максима 45]. По этой причине для человека особое значение имеют придание своей жизни достойного смыслового наполнения, выбор четких целей, нахождение оптимальных путей их достижения и проявление на пути к ним достаточных волевых усилий. Логика рассуждений Ф. Ларошфуко на этот счет прослеживается в его высказываниях.

Высказывание о смысле. «Любое, даже самое громкое деяние нельзя назвать великим, если оно не было следствием великого замысла» [1, максима 160].

Высказывания о постановке и достижении цели. Замысел и деяние «должны соответствовать друг другу, не то заложенные в них возможности так и останутся неосуществленными» [1, максима 161]. Предусмотрительный человек определяет место для каждого своего желания и затем исполняет их по порядку. Человеческая жадность «часто нарушает этот порядок» и «заставляет... преследовать одновременно такое множество целей, что в погоне за пустяками» люди упускают существенное [1, максима 66]. Прозорливости лишены «не те люди, которые не достигают цели, а те, которые прошли мимо нее» [1, максима 377]. По мнению Ф. Ларошфуко, «мы редко до конца понимаем, чего мы в действительности хотим» [1, максима 295] и «если бы мы точно знали, чего... хотим», то «у нас нашлось бы очень мало страстных желаний» [1, максима 439]. Все, что человеку не удастся, перестает его привлекать [1, максима 379]. «В серьезных делах следует заботиться не столько о том, чтобы создавать благоприятные возможности, сколько о том, чтобы их не упускать» [1, максима 453]. Надежда может быть обманчивой, однако «до конца наших дней она ведет нас легкой стезей» [1, максима 168].

Высказывания о месте воли на пути к достижению цели. В мире «мало недостижимых вещей», поэтому, если бы у людей было «больше настойчивости», они смогли бы «отыскать путь почти к любой цели» [1, максима 243]. Люди, «чтобы оправдаться в собственных глазах», часто убеждают себя в том, «что не в силах достичь цели», но на самом деле они «не бессильны, а безвольны» [1, максима 30].

Неоднозначную жизненную ценность для французского мыслителя имеют присущие людям себялюбие и своекорыстие. Последнее «приводит в действие все добродетели и все пороки» [1, максима 253]. Одним оно ослепляет, «другим открывает глаза» [1, максима 40]. Во всех человеческих преступлениях винят своекорыстие и забывают «при этом, что оно нередко заслуживает похвалы за наши добрые дела» [1, максима 305]. Однако Ф. Ларошфуко чаще указывал на отрицательные стороны этих качеств, выражающиеся в порождении разных человеческих пороков, ведущие к обману себя и других и в итоге наносящие многообразный вред своему обладателю. Как утверждал философ, «ни один хитрец

не сравнится в хитрости с самолюбием» [1, максима 4] и «ни один льстец не льстит так искусно, как себялюбие» [1, максима 2]. В большинстве случаев преданность есть «уловка самолюбия, цель которой – завоевать доверие; это способ возвыситься над другими людьми и проникнуть в важнейшие тайны» [1, максима 247]. Своекорыстие может говорить «на всех языках» и разыгрывать «любые роли – даже роль бескорыстия» [1, максима 39]. Иногда людям кажется, что «себялюбие попадает в сети к доброте и невольно забывает о себе», когда они трудятся «на благо ближнего». В сущности, «мы просто избираем кратчайший путь к цели, как бы отдаем деньги в рост под видом подарка и таким образом применяем тонкий и изысканный способ завоевать доверие окружающих» [1, максима 236]. По мнению мыслителя, «легче пренебречь выгодой, чем отказаться от прихоти» [1, максима 390]. Самолюбие страдает больше тогда, «когда порицают наши вкусы, чем когда осуждают наши взгляды» [1, максима 13]. Чаще в основе огорчений «лежит обманутое своекорыстие или уязвленное тщеславие» [1, максима 232]. Говоря о том, что представленный черный список самолюбия можно существенно расширить, Ф. Ларошфуко подытоживал: «Сколько ни сделано открытий в стране себялюбия, там еще осталось вдоволь неисследованных земель» [1, максима 3].

Самолюбие – одна из самых сильных человеческих страстей, а именно страсти, согласно Ф. Ларошфуко, управляют поведением людей и определяют их настроение. Людям часто кажется, что они владеют собой, тогда как в действительности что-то владеет ими. «Пока разумом он (человек. – А. Р.) стремится к одной цели, сердце незаметно увлекает его к другой» [1, максима 43]. Человек не в силах и представить, на что его могут «толкнуть... страсти» [1, максима 460]. Есть «такая степень счастья и горя, которая выходит за пределы нашей способности чувствовать» [1, максима 464].

Воздействие страстей на поведение сильнее влияния разума. Способность человека познавать мир своих страстей, овладевать ими и даже скрывать их от окружающих является весьма ограниченной. По этому поводу Ф. Ларошфуко писал следующее: «Мы никогда не стремимся страстно к тому, к чему стремимся только разумом» [1, максима 469]; «Уму не под силу долго разыгрывать роль сердца» [1, максима 108]; «Ум всегда в дураках у сердца» [1, максима 102]. Не каждый, кто познал «глубины своего ума, познал глубины своего сердца» [1, максима 103]. Человек пытается «скрыть... страсти под личиной благочестия и добродетели, они всегда проглядывают сквозь этот покров» [1, максима 12].

Мир страстей необычайно динамичен. Они могут угасать так же быстро, как и вспыхивать, нередко являются весьма противоречивыми, вступают в своеобразное противоборство и сменяются одна другой.

Когда «происходит непрерывная смена страстей... угасание одной из них почти всегда означает торжество другой» [1, максима 10]. В одном человеческом сердце уживаются «множества противоречивых чувств» [1, максима 478]. «Наши страсти часто являются порождением других страстей, прямо им противоположных: скупость порой ведет к расточительности, а расточительность – к скупости; люди нередко стойки по слабости характера и отважны из трусости» [1, максима 11].

Влияние страстей на человека и его поведение является более чем неоднозначным вплоть до того, что они превращают «умного человека в глупца», но не менее часто наделяют «дураков умом» [1, максима 6]. С одной стороны, благодаря им раскрываются способности и проявляются таланты людей: «...природа скрывает в глубинах нашей души способности и дарования, о которых мы и сами не подозреваем; только страсти пробуждают их к жизни и порою общаю нам такую пронзительность и твердость, каких при обычных условиях мы никогда не могли бы достичь» [1, максима 404]. С другой стороны, «страстям присущи такая несправедливость и такое своекорыстие, что доверять им опасно и следует их остерегаться даже тогда, когда они кажутся вполне разумными» [1, максима 9].

Попытки овладеть своими страстями, стать свободным от них (тем более противодействовать им) даются человеку нелегко и часто оказываются безуспешными. Долговечность страстей зависит от него так же, как и долговечность жизни [1, максима 5]. Здоровье хрупко, как и «здоровье тела, и тот, кто мнит себя свободным от страстей, так же легко может им поддаться, как человек цветущего здоровья заболеть» [1, максима 188]. Человек сопротивляется страстям не потому, что он силен, «а потому, что они слабы» [1, максима 122]. Люди, которым «довелось пережить большие страсти, потом всю жизнь и радуются своему исцелению, и горюют о нем» [1, максима 485]. Как писал философ, «пока угасающая страсть все еще волнует наше сердце, оно более склонно к новой любви, чем впоследствии, когда наступает полное исцеление» [1, максима 484].

Изложение характеристики, которую Ф. Ларошфуко дал человеческому уму и его способностям, лучшего всего начать с выдвинутого им положения о двух разновидностях любопытства: своекорыстном (внушенном «надеждой приобрести полезные сведения») и самолюбивом (вызванном «желанием узнать то, что неизвестно другим» [1, максима 173]). Особенности умственной деятельности человека, в том числе те, которые оцениваются весьма критически, он описывал в представленных ниже афоризмах.

Общие оценки. «Умен не тот, кого случай делает умным, а тот, кто понимает, что такое ум, умеет его распознать и любит его» [1, максима 105]. «Учтивость ума заключается в способности думать достойно

и утонченно» [1, максима 99]. «Порою в нашем уме рождаются мысли в форме уже такой отточенной, какую он никогда не смог бы придать им, сколько бы ни ухищрялся» [1, максима 101].

Критические высказывания. «Наш разум по своей лености и косности занят обычно лишь тем, что ему легко или приятно; эта привычка ограничивает наши познания, и никто еще не дал себе труда обогатить и расширить свой разум до пределов возможного» [1, максима 482]. «Мы находим несколько решений одного и того же вопроса не столько потому, что наш ум очень плодovit, сколько потому, что он не слишком прозорлив и, вместо того чтобы остановиться на самом лучшем решении, представляет нам без разбора все возможности сразу» [1, максима 287].

Говоря об умственной деятельности человека, французский мыслитель различал ум и проницательность, отмечая ценность последней. Он называл неправым того, «кто считает, будто ум и проницательность – различные качества». Проницательность для Ф. Ларошфуко есть «просто особенная ясность ума, благодаря которой он (человек. – А. Р.) добирается до сути вещей, отмечает все, достойное внимания, и видит невидимое другим». Следовательно, «все, приписываемое проницательности, является лишь следствием необычайной ясности ума» [1, максима 97]. Проницательность придает людям «такой всезнающий вид, что она льстит нашему тщеславию больше, чем все прочие качества ума» [1, максима 425]. Особые способности отдельных людей к умственной деятельности лежат в основе некоторых личностных черт: «Люди мелкого ума чувствительны к мелким обидам, люди большого ума все замечают и ни на что не обижаются» [1, максима 357]; «Ум ограниченный, но здравый, в конце концов не так утомителен в собеседнике, как ум широкий, но путаный» [1, максима 502]; «Изысканность ума сказывается в умении тонко льстить» [1, максима 100]; «Люди недалекие обычно осуждают все, что выходит за пределы их понимания» [1, максима 375]; «Нет глупцов более несносных, чем те, которые не совсем лишены ума» [1, максима 451].

Весьма оригинально Ф. Ларошфуко ранжировал оценочные высказывания людей по поводу умственных способностей: «Все расхваливают свою доброту, но никто не решается похвалить свой ум» [1, максима 98]; «Все жалуются на свою память, но никто не жалуется на свой разум» [1, максима 89].

Характеризуя поведение и личностные черты, мыслитель уделял внимание удовлетворенности жизнью, отношению индивида к успехам и неудачам. По его словам, нас радует не то, что окружает, а «наше отношение к окружающему, и мы бываем счастливы, обладая тем, что любим, а не тем, что другие считают достойным любви» [1, максима 48]. Все, что посылается судьбой, человек оценивает «в зависимости от расположения духа» [1, максима 47]. Не-

счастье и счастье «мы переживаем соразмерно нашему самолюбию» [1, максима 339]. Иногда, когда люди проливают слезы, они «ими обманывают не только других, но и... себя» [1, максима 373].

Отношение людей к себе наиболее очевидно проявляется в их самооценке. Она может быть как завышенной, так и заниженной, ведь «человек никогда не бывает так счастлив или так несчастлив, как это кажется ему самому» [1, максима 49]. Например, «люди, верящие в свои достоинства, считают долгом быть несчастными, дабы убедить таким образом других и себя в том, что судьба еще не воздала им по заслугам» [1, максима 50]. Чаше всего, по мнению Ф. Ларошфуко, встречаются люди с завышенной самооценкой, в том числе те, кто сравнивает себя с другими. В мире нет «человека, который не ценил бы любое свое качество куда выше, чем подобное же качество у другого, даже самого уважаемого им человека» [1, максима 452]. Чрезмерное стремление к повышению самооценки, как и своей ценности в глазах других, с использованием различных способов достижения цели, а порой и очевидных ухищрений, включая самообман, неразумно. Если судить по словам Ф. Ларошфуко, их применяют достаточно часто. Он подчеркивал, что «в людях не так смешны те качества, которыми они обладают, как те, на которые они претендуют» [1, максима 134] и что «нет ничего глупее желания всегда быть умнее всех» [1, максима 231]. Человек старается «вменить себе в заслугу те недостатки», которые не желает исправлять [1, максима 442]. Если бы люди никогда себе не льстили, они «не знали бы удовольствия в жизни» [1, максима 123] и их «не портила бы чужая лесть» [1, максима 152]. Отдавать «должное своим достоинствам наедине с собой столь же разумно, сколь смехотворно превозносить их в присутствии других» [1, максима 307]. То, «насколько ясно люди понимают свои ошибки, видно из того, что, рассказывая о своем поведении, они всегда умеют выставить его в благоприятном свете... самолюбие, которое обычно ослепляет их ум, в этом случае придает ему такую зоркость и проницательность, что им удается ловко утаить или смягчить любую мелочь, способную вызвать неодобрение» [1, максима 48]. Преувеличивая чужие добродетели, люди отдают дань «не столько им, сколько... собственным чувствам», они ищут «похвал себе, делая вид, что хвалят других» [1, максима 143]. Человек признается «в своих недостатках для того, чтобы этой искренностью возместить ущерб, который они наносят в мнении окружающих» [1, максима 184]. Рассуждая об искренности, Ф. Ларошфуко утверждал, что она «вызвана желанием... выставить свои недостатки в благоприятном свете» [1, максима 383]. Он также подчеркивал, что любой недостаток «более простителен, чем уловки, на которые мы идем, чтобы его скрыть» [1, максима 411].

Анализируя тактику повседневных человеческих действий, Ф. Ларошфуко выделял прежде всего их неосознанность и непредсказуемость: «Наши поступки подобны строчкам бури: каждый связывает их с чем ему заблагорассудится» [1, максима 382]. Философ критически оценивал некоторые тактические приемы и действия: «Слава, уже приобретенная нами, – залог той славы, которую мы рассчитываем приобрести» [1, максима 270]; «Чтобы упрочить свое положение в свете, люди старательно делают вид, что оно уже упрочено» [1, максима 56]; «Мы обещаем соразмерно нашим расчетам, а выполняем обещанное соразмерно нашим опасениям» [1, максима 38]; «Бывают в жизни положения, выпутаться из которых можно только с помощью изрядной доли безрассудства» [1, максима 310]; «Примирение с врагами говорит лишь об усталости от борьбы, о боязни поражения и о желании занять более выгодную позицию» [1, максима 82]; «Высшая ловкость состоит в том, чтобы всему знать истинную цену» [1, максима 244]; «Поистине ловок тот, кто умеет скрывать свою ловкость» [1, максима 245].

Злоупотребление хитростью, по мнению мыслителя, «говорит об ограниченности ума». Люди, пытающиеся «прикрыть таким способом свою наготу в одном месте, неизбежно разоблачают себя в другом» [1, максима 125]. Некоторые люди (Ф. Ларошфуко называл их ловкими) « всю жизнь делают вид, что гнушаются хитростью, а на самом деле они просто прибегают к ней для исключительных случаев, обещаящих исключительную выгоду» [1, максима 124]. Истинный «способ быть обманутым – это считать себя хитрее других» [1, максима 127]. Человек может перехитрить кого-то одного, но не всех [1, максима 394]. Иногда «ложь... прикидывается истиной, что не поддаться обману значило бы изменить здравому смыслу» [1, максима 282]. «За отвращением ко лжи нередко кроется затаенное желание придать вес... утверждениям и внушить благоговейное доверие к... словам» [1, максима 63]. Мельчайшую неверность в отношении себя люди судят «куда суровее, чем самую коварную измену в отношении других» [1, максима 360]. Иной раз «легче стерпеть обман того, кого любишь, чем услышать от него всю правду» [1, максима 395]. Человек оправдывает «своим недоверием... чужой обман» [1, максима 86]. Когда люди притворяются, «будто... попали в расставленную... ловушку», они проявляют «поистине утонченную хитрость, потому что обмануть человека легче всего тогда, когда он хочет обмануть» [1, максима 117].

Ф. Ларошфуко уделял особое внимание тактике поведения, причинам ее выбора и связанным с этим последствиям: «Было бы куда полезнее употребить все силы нашего разума на то, чтобы достойно сносить несчастья, уже случившиеся, нежели на то, чтобы предугадывать несчастья, которые еще только могут случиться» [1, максима 174]; «Как раз те люди, кото-

рые во что бы то ни стало хотят всегда быть правыми, чаще всего бывают неправы» [1, максима 386]; «Люди скорее согласятся себя чернить, нежели молчать о себе» [1, максима 138]; «Тому, кто не доверяет себе, разумнее всего молчать» [1, максима 79]; «Что может быть сокрушительнее для нашего самодовольства, чем ясное понимание того, что сегодня мы порицаем вещи, которые еще вчера одобряли» [1, максима 51] и др.

Философ указывал на необходимость большей объективности и критичности по отношению к самому себе и делал вывод о принципиальной возможности и некоторых путях личностного душевного оздоровления: «Счастливые люди неисправимы: судьба не наказывает их за грехи, и поэтому они считают себя безгрешными» [1, максима 227]; «Мы легко забываем свои ошибки, когда они известны лишь нам одним» [1, максима 196]; «Люди безутешны, когда их обманывают враги или предают друзья, но они нередко испытывают удовольствие, когда обманывают или предают себя сами» [1, максима 114]; «Так же легко обмануть себя и не заметить этого, как трудно обмануть другого и не быть изобличенным» [1, максима 115]; «Мы нередко относимся снисходительно к тем, кто тяготит нас, но никогда не бываем снисходительны к тем, кто тяготится нами» [1, максима 304] и др. Однако путь душевного оздоровления не бывает простым. Хотя, «когда пороки покидают нас, мы стараемся уверить себя, что это мы покинули их» [1, максима 192], на самом деле «пороки души похожи на раны тела: как бы старательно их ни лечили, они все равно оставляют рубцы и в любую минуту могут открыться снова» [1, максима 194]. В продолжение этой мысли философ добавлял: «Болезни души так же возвращаются к нам, как и болезни тела. То, что мы принимаем за выздоровление, обычно оказывается либо кратковременным облегчением старого недуга, либо началом нового» [1, максима 193].

Многие афоризмы Ф. Ларошфуко касаются характера человека, его достоинств и недостатков и влияют на ход человеческой жизни. Начать их изложение целесообразно со следующего тезиса, подчеркивающего значение характера в жизни людей: «Счастье и несчастье человека в такой же степени зависят от его нрава, как от судьбы» [1, максима 61]. Сам характер – феномен неоднозначный, во многом противоречивый. Как писал философ, «у человеческих характеров, как и у некоторых зданий, несколько фасадов, причем не все они приятны на вид» [1, максима 292]. Существуют «люди столь ветреные и легковесные, что у них не может быть ни крупных недостатков, ни подлинных достоинств» [1, максима 498]. Он также утверждал, что в характере человека «больше изъянов, чем в его уме» [1, максима 290]. Некоторые достоинства трансформируются «в недостатки, если они присущи нам от рождения, а другие никогда

не достигают совершенства, если они благоприобретенные» [1, максима 365]. Судить о «достоинствах человека нужно... не по его хорошим качествам, а по тому, как он ими пользуется» [1, максима 437].

Когда Ф. Ларошфуко говорил о твердости или слабости человека, их отдельных проявлениях в жизни, он подчеркивал волевые качества личности, причем внимание акцентировал на поступках людей со слабым характером, который, по его мнению, не поддается исправлению: «Истинно мягкими могут быть только люди с твердым характером, у остальных же кажущаяся мягкость – это чаще всего просто слабость, которая легко превращается в озлобленность» [1, максима 479]; «Похвалы за доброту достоин лишь человек, у которого хватает твердости характера на то, чтобы иной раз быть злым; в противном случае доброта чаще всего говорит лишь о бездейственности или о недостатке воли» [1, максима 237]. Слабохарактерность человека «еще дальше от добродетели, чем порок» [1, максима 445]. Слабохарактерные «не способны быть искренними» [1, максима 316]. Предательство чаще всего совершается «по слабости характера» [1, максима 120]. У людей «не хватает силы характера, чтобы покорно следовать всем велениям рассудка» [1, максима 42]. Иногда человеку «не так мучительно покориться принуждению окружающих», как к чему-то себя принудить [1, максима 363]. Философ называл слабость характера единственным недостатком, «который невозможно исправить» [1, максима 130]. У слабохарактерных людей он видел лишь одно личное преимущество: «Слабость характера нередко утешает... в таких несчастьях, в каких бессилён утешить разум» [1, максима 325].

В качестве позитивных черт характера Ф. Ларошфуко выделял великодушие, доброту (сострадание) и искренность (откровенность), а также бесстрашие (храбрость), которое противопоставляется трусости. Первые три черты он считал весьма редкими и в целом к их проявлениям относился достаточно скептически, усматривая в них своекорыстный интерес человека. Бесстрашие есть «...необычайная сила души, возносящая ее над замешательством, тревогой и смятением, порождаемыми встречей с серьезной опасностью. Эта сила поддерживает в героях спокойствие и помогает им сохранять ясность ума в самых неожиданных и ужасных обстоятельствах» [1, максима 217]. Оно проявляется, когда люди в одиночестве совершают то, на что... отваживаются лишь в присутствии многих свидетелей» [1, максима 216]. По мнению философа, «высшая доблесть и непреодолимая трусость – это крайности, которые встречаются очень редко» и между ними «располагаются всевозможные оттенки храбрости». Существуют люди, «которые смело встречают опасность в начале сражения, но легко охлаждаются и падают духом, если оно затягивается». Есть и те, кто «делают то, чего от них требует общественное мнение, и на

этом успокаиваются». Одни не всегда могут «овладеть своим страхом, другие подчас заражаются страхом окружающих, а третьи идут в бой просто потому, что не смеют оставаться на своих местах». Кто-то, привыкнув к мелким опасностям, закаляется «духом для встречи с более значительными». Некоторые люди «храбры со шпагой в руках, но пугаются мушкетного выстрела; другие же смело стоят под пулями, но боятся обнаженной шпаги». Данные «виды храбрости схожи между собой в том, что ночью, когда страх усиливается, а тьма равно скрывает и хорошие, и дурные поступки, люди ревнивей оберегают свою жизнь». Однако у людей есть «еще один способ оберечь себя, и притом самый пространственный, – делать меньше, чем они сделали бы, если бы знали наперед, что все сойдет благополучно». Из всего перечисленного следует, что «страх смерти в какой-то мере ограничивает доблесть» [1, максима 215]. Великодушие, как утверждал Ф. Ларошфуко, «довольно точно определено своим названием... можно сказать, что оно – здоровый смысл гордости и самый достойный путь к доброй славе» [1, максима 285]. Истинная доброта является редким качеством: «...большинство людей, считающих себя добрыми, только снисходительны или слабы» [1, максима 481]. О сострадании мыслитель писал как о способности «увидеть в чужих несчастьях свои собственные» и о предчувствии «бедствий, которые могут постигнуть и нас». Человек помогает другим, чтобы они в свою очередь помогли ему. Таким образом, «наши услуги сводятся просто к благодеяниям, которые мы загодя оказываем самим себе» [1, максима 264]. Искренность есть чистосердечие. «Мало кто обладает этим качеством, и то, что мы принимаем за него, чаще всего просто тонкое притворство, цель которого – добиться откровенности окружающих» [1, максима 62].

Предметом повышенного внимания и преимущественно высокой оценки у Ф. Ларошфуко стала гордость: «Природа, в заботе о нашем счастье... подарила нам гордость... для того, чтобы избавить нас от печального сознания нашего несовершенства» [1, максима 36]; «Гордость свойственна всем людям; разница лишь в том, как и когда они ее проявляют» [1, максима 35]; «Наша гордость часто возрастает за счет недостатков, которые нам удалось преодолеть» [1, максима 450]; «У гордости, как и у других страстей, есть свои причуды: люди стараются скрыть, что они ревнуют сейчас, но хвалятся тем, что ревновали когда-то и способны ревновать и впредь» [1, максима 473] и др.

В одну линию с гордостью Ф. Ларошфуко ставил тщеславие и честолюбие, к которым относился куда менее позитивно: «Тщеславие чаще заставляет нас идти против наших склонностей, чем разум» [1, максима 467]; «Даже самые бурные страсти порою дают нам передышку, и только тщеславие терзает нас не-

отступно» [1, максима 443]; «Если тщеславие и не подвергает в прах все наши добродетели, то, во всяком случае, оно их колеблет» [1, максима 388]; «То, что мы принимаем за благородство, нередко оказывается переряженным честолюбием, которое, презирая мелкие выгоды, прямо идет к крупным» [1, максима 246]; «Самое большое честолюбие прячется и становится незаметным, как только его притязания наталкиваются на непреодолимые преграды» [1, максима 91] и др.

Еще хуже отношение философа к зависти, которую, за редким исключением, он напрямую противопоставлял добродетели: «Вернейший признак высоких добродетелей – от самого рождения не знать зависти» [1, максима 433]; «Зависть еще непримиримее, чем ненависть» [1, максима 328]. Она «всегда долговечнее чужого счастья, которому мы завидуем» [1, максима 476]. Независтливые люди «встречаются еще реже, чем бескорыстные» [1, максима 486]. «Доброжелательность, с которой люди порою приветствуют тех, кто впервые вступает в свет, обычно бывает вызвана тайной завистью к тем, кто уже давно занимает в нем прочное положение» [1, максима 280].

Неприязненно Ф. Ларошфуко относился к скупости, считая ее непрактичной в поведении человека: «Скупость нередко приводит к самым противоречивым следствиям: многие люди приносят все свое состояние в жертву отдаленным и сомнительным надеждам, другие же пренебрегают крупными выгодами в будущем ради мелочной сегодняшней наживы» [1, максима 492]; «Непомерная скупость почти всегда ошибается в своих расчетах: она чаще, чем все другие страсти, уходит от цели, к которой стремится, и оказывается во власти настоящего в ущерб будущему» [1, максима 491]. В конечном счете «скупость дальше от бережливости, чем даже расточительность» [1, максима 167].

В своеобразном реестре человеческих недостатков есть и другие, в частности лень, упрямство и трусость. Ф. Ларошфуко писал о том, что самой сильной страстью «нередко оказывается бездеятельная лень: завладевая людскими помыслами и поступками, она незаметно подтачивает все их стремления и добродетели» [1, максима 266]. Люди охотнее признаются «в лени, чем в других... недостатках», они внушают себе, «что она проистекает из... миролюбивых добродетелей и, не нанося большого ущерба прочим достоинствам, лишь умеряет их проявление» [1, максима 398]. Им «нравится надеяться себя недостатками, противоположными тем, которые присущи... на самом деле: слабохарактерные люди, например, любят хвастаться упрямством» [1, максима 424]. Упрямство, по его мнению, «рождено ограниченностью нашего ума: мы неохотно верим тому, что выходит за пределы нашего кругозора» [1, максима 265]. Трусливый человек обычно не сознает «всей силы своего страха» [1, максима 370].

Особо философ говорил о любви и ревности (их природе, истоках, влиянии на поведение): «Ни в одной страсти себялюбие не царит так безраздельно, как в любви; люди всегда готовы принести в жертву покой любимого существа, лишь бы сохранить свой собственный» [1, максима 262]; «Ревность до некоторой степени разумна и справедлива, ибо она хочет сохранить нам наше достояние или то, что мы считаем таковым, между тем как зависть слепо негодует на то, что какое-то достояние есть и у наших ближних» [1, максима 28]. Твердый характер человека «заставляет... сопротивляться любви, но в то же время... сообщает этому чувству пылкость и длительность» [1, максима 477]. Ревность «умирает или переходит в неистовство, как только сомнения превращаются в уверенность» [1, максима 32]. Мыслитель также напоминал, что «война между Августом и Антонием, которую объясняют их честолюбивым желанием властвовать над миром, была, возможно, вызвана просто-напросто ревностью» [1, максима 7].

Должное внимание Ф. Ларошфуко уделял такой одобряемой и проповедуемой многими поколениями философов человеческой черте, как умеренность. Раскрывая сущность этой черты, он оценивал ее двойственно и связывал склонность к ней с бездеятельностью, стремлением утешить людей не самых успешных, боязнью зависти. Умеренность является душевной бездеятельностью и ленью [1, максима 293], боязнью зависти или презрения, хвастовством мощью ума и желанием «казаться выше своей судьбы» [1, максима 18]. Ее «провозгласили добродетелью для того, чтобы обуздать честолюбие великих людей и утешить людей незначительных, обладающих лишь скромным достоянием и скромными достоинствами» [1, максима 308]. У счастливых людей умеренность «проистекает из спокойствия, даруемого неизменной удачей» [1, максима 17].

Появление и широкое распространение данной традиции философской мысли Ф. Ларошфуко объяснял достаточно прозаично: «Презрение философов к богатству было вызвано их сокровенным желанием отомстить несправедливой судьбе за то, что она не наградила их по достоинствам жизненными благами; оно было тайным средством, спасающим от унижений бедности, и окольным путем к почету, обычно доставляемому богатством» [1, максима 54]. Мыслитель подкреплял свою точку зрения следующим высказыванием: «В привязанности или равнодушии философов к жизни сказывались особенности их себялюбия, которые так же нельзя оспаривать, как особенности вкуса, как склонность к какому-нибудь блюду или цвету» [1, максима 46]. Его общая позиция по отношению к философии и философам выражена в обобщающем афоризме: «Философия торжествует над горестями прошлого и будущего, но горести настоящего торжествуют над философией» [1, максима 22].

В рассматриваемом труде Ф. Ларошфуко затрагивал сферу межличностных отношений. В своих рассуждениях он исходил из нескольких положений. Во-первых, «легче управлять людьми, чем помешать им управлять нами» [1, максима 151]. По этой причине «люди не могли бы жить в обществе, если бы не водили друг друга за нос» [1, максима 87]. Во-вторых, «тот, кто думает, что может обойтись без других, сильно ошибается; но тот, кто думает, что другие не могут обойтись без него, ошибается еще сильнее» [1, максима 201]. В-третьих, «многие презирают жизненные блага, но почти никто не способен ими поделиться» [1, максима 301]. Разъяснения по этому поводу он начинал с того, как было бы желательно представлять себя другим людям и как такое представление происходит на самом деле. С одной стороны, «мы выиграли бы в глазах людей, если бы являлись им такими, какими мы всегда были и есть, а не прикидывались такими, какими никогда не были и не будем» [1, максима 457]. С другой стороны, нас отличает многоликость: «Каждый человек, кем бы он ни был, старается напустить на себя такой вид и надеть такую личину, чтобы его приняли за того, кем он хочет казаться, поэтому можно сказать, что общество состоит из одних только личин» [1, максима 256]. Так, «признаваясь в маленьких недостатках, мы тем самым стараемся убедить окружающих в том, что у нас нет крупных» [1, максима 327].

Характеризуя поведение людей по отношению к другим, Ф. Ларошфуко раскрывал понятие «благодарность» с упором на лежащий в его основе личный расчет: «Благодарность подобна честности купца... Часто мы оплачиваем ее счета не потому, что стремимся поступать справедливо, а для того, чтобы впредь люди охотнее давали нам взаймы» [1, максима 223]. Этот расчет прежде всего выражается в том, что «почти все люди охотно расплачиваются за мелкие одолжения, большинство бывает признательно за немаловажные, но почти никто не чувствует благодарности за крупные» [1, максима 300]. Он может проявляться и в том, что «признательность большинства людей порождена скрытым желанием добиться еще больших благодеяний» [1, максима 298], или в том, что «наша благодарность иногда бывает так велика, что, расплачиваясь с друзьями за сделанное нам добро, мы еще оставляем их у себя в долгу» [1, максима 438]. Нужно помнить, что «при некоторых обстоятельствах, точно так же, как при некоторых болезнях, помощь со стороны может иной раз только повредить», и необходима «большая проницательность, чтобы распознать те случаи, когда она опасна» [1, максима 288].

В расчетах людей за оказанные услуги есть ошибки. Они «происходят оттого, что гордость дающего и гордость принимающего не могут сговориться о цене благодеяния» [1, максима 225]. Вызвано это тем, что «гордость не хочет быть в долгу, а самолю-

бие не желает расплачиваться» [1, максима 228]. Принятие услуги со стороны другого человека требует особой тактики. Так, «чрезмерная поспешность в расплате за оказанную услугу есть своего рода неблагодарность» [1, максима 226]. К тому же такая услуга налагает ответные обязательства, не всегда пропорциональные ее значимости. «Если кто-нибудь сделает нам добро, мы обязаны терпеливо сносить и причиняемое этим человеком зло» [1, максима 229].

К некоторым моральным максима́м поведения, связанным с ответом на благодеяние, Ф. Ларошфуко относил следующие: «Не всякий, кто платит долги благодарности, имеет право считать себя на этом основании благодарным человеком» [1, максима 224]; «Невелика беда – услужить неблагодарному, но большое несчастье – принять услугу от подлеца» [1, максима 317]; «Причинять людям зло большей частью не так опасно, как делать им слишком много добра» [1, максима 238].

Существенное место во взаимных отношениях людей занимает похвала. Ее истоки, формы и последствия многозначительны. Суть подобного проявления отношения к другому Ф. Ларошфуко выразил такими словами: «Похвала – это искусная, скрытая, изящная лесть, приятная и тому, кто льстит, и тому, кому льстят: один принимает ее как награду за свои достоинства, другой преподносит, чтобы доказать свою справедливость и проницательность» [1, максима 144]. В ее основе лежат своекорыстие и расчет на такое же ответное действие: «Люди не любят хвалить и никогда не хвалят бескорыстно» [1, максима 144]; «Мы хвалим других обычно лишь для того, чтобы услышать похвалу себе» [1, максима 146]. Преувеличивая добродетели иных людей, «мы отдаем дань не столько им, сколько... собственным чувствам; мы ищем похвал себе, делая вид, что хвалим других» [1, максима 143]. Человек обычно награждает чистосердечной похвалой тех, кто им восхищается [1, максима 356]. Уклонение от похвалы, по мнению философа, есть «просьба повторить ее» [1, максима 149]. Похвала может выражаться в различных формах, в том числе таких, которые имеют скрытый критический смысл: «Иные упреки звучат как похвала, зато иные похвалы хуже злословия» [1, максима 148]; «Мы часто выискиваем отравленные похвалы, косвенно открывающие в тех, кого мы хвалим, такие недостатки, на которые мы не осмеливаемся указать прямо» [1, максима 145]. Роль похвалы может быть двойкой. Ее позитивное значение обусловлено тем, что «жажда заслужить расточаемые нам похвалы укрепляет нашу добродетель; таким образом, похвалы нашему уму, доблести и красоте делают нас умнее, доблестнее и красивее» [1, максима 150]. Один из негативных эффектов заключается в том, что «люди редко бывают достаточно разумны, чтобы предпочесть полезное порицание опасной похвале» [1, максима 147].

Во взаимных отношениях людей имеют место советы. Как писал Ф. Ларошфуко, человек ничего не раздает «с такой щедростью, как советы» [1, максима 110]. Тем более что «проявить мудрость в чужих делах куда легче, нежели в... собственных» [1, максима 132]. Выражение своего отношения к советам мыслитель начинал так: «Сколько лицемерия в людском обычае советоваться!» Далее он пояснял критический пафос совета: «Тот, кто просит совета, делает вид, что относится к мнению своего друга с почтительным вниманием, хотя в действительности ему нужно лишь, чтобы кто-то одобрил его поступки и взял на себя ответственность за них. Тот же, кто дает советы, притворяется, будто платит за оказанное доверие пылкой и бескорыстной жаждой услужить, тогда как на самом деле обычно рассчитывает извлечь таким путем какую-либо выгоду или снизить почет» [1, максима 116]. Однако если совет дается с добрым намерением и является действительно полезным, то часто бывает не так просто его реализовать на практике. Чтобы «воспользоваться хорошим советом со стороны, подчас требуется не меньше ума, чем для того, чтобы подать хороший совет самому себе» [1, максима 283]. Можно дать человеку «разумный совет, но нельзя научить его разумному поведению» [1, максима 378].

О том, как люди оценивают других, Ф. Ларошфуко писал: «Большинство... судит о ближних по их богатству или светским успехам» [1, максима 212]. Он также перечислял факторы (в основном личностные), которые искажают эту оценку: «Прелесть новизны и долгая привычка при всей их противоположности одинаково мешают нам видеть недостатки наших друзей» [1, максима 426]; «Самолюбие увеличивает или уменьшает добродетели наших друзей в зависимости от того, насколько мы довольны этими людьми: об их достоинствах мы судим по их отношению к нам» [1, максима 88]. Человек считает «здравомыслящими лишь тех людей, которые во всем... согласны» с ним [1, максима 347]. Если бы у людей не было недостатков, им «было бы не так приятно подмечать их у ближних» [1, максима 31]. Философ заявлял, что суждения о человеке его врагов ближе к истине, чем его собственные [1, максима 458].

Еще одним обсуждением в рассматриваемом труде стали эмоциональные проявления межличностных отношений. Затрагивая тему любви и прощения, Ф. Ларошфуко писал: «Пока люди любят, они прощают» [1, максима 330]. О ненависти он высказывался следующим образом: «Ненависть к людям, попавшим в милость, вызвана жадностью этой самой милости. Досада на ее отсутствие смягчается и умиротворяется презрением ко всем, кто ею пользуется; мы отказываем им в уважении, ибо не можем отнять того, что привлекает к ним уважение всех окружающих» [1, максима 55]; «Слишком лютая ненависть ставит нас ниже тех, кого мы ненавидим» [1, мак-

сима 338]; «Иногда людям кажется, что они ненавидят лезть, в то время как им ненавистна лишь та или иная ее форма» [1, максима 329]. Человек не только забывает благие действия со стороны других и собственные обиды, но и может «ненавидеть своих благодетелей и прощать обидчиков», а «необходимость отблагодарить за добро и отомстить за зло» кажется ему рабством [1, максима 14].

Традиционные размышления о мудрости жизни касаются темы добродетелей и пороков. Ф. Ларошфуко даже начал рассматриваемое произведение следующим эпиграфом: «Наши добродетели – это чаще всего искусно переряженные пороки» [1]. Непреходящую жизненную ценность следования добродетелям как для тех, на кого они направлены, так и для творящих их он подчеркивал в следующих максимах: «Слава великих людей всегда должна измеряться способами, какими она была достигнута» [1, максима 157]; «Пока человек в состоянии творить добро, ему не грозит опасность столкнуться с неблагодарностью» [1, максима 306]; «Мы презираем не тех, у кого есть пороки, а тех, у кого нет никаких добродетелей» [1, максима 186]; «Истинный признак христианских добродетелей – это смирение; если его нет, все наши недостатки остаются при нас, а гордость только скрывает их от окружающих и нередко от нас самих» [1, максима 358] и др. Однако и у добродетелей путь в жизненную практику людей, по убеждению Ф. Ларошфуко, отнюдь не является прямым. Прежде всего это касается истинных причин добродетельных поступков: «Нелегко разглядеть, чем вызван честный, искренний, благородный поступок – порядочностью или дальновидным расчетом» [1, максима 170]; «Добродетель не достигала бы таких высот, если бы ей в пути не помогало тщеславие» [1, максима 200]; «Люди делают добро часто лишь для того, чтобы обрести возможность безнаказанно творить зло» [1, максима 121] и др. То, что человек принимает «за добродетель, нередко оказывается сочетанием корыстных желаний и поступков, искусно подобранных судьбой или... собственной хитростью; так, например, порою женщины бывают целомудренны, а мужчины – доблестны совсем не потому, что им действительно свойственны целомудрие и доблесть» [1, максима 1]. Человеческие «пороки входят в состав добродетелей, как яды в состав лекарств; благоразумие смешивает их, ослабляет их действие и потом умело пользуется ими как средством против жизненных невзгод» [1, максима 182]. В основе доблести, как утверждал мыслитель, лежат «жажда славы, боязнь позора, погоня за богатством, желание устроить жизнь удобно и приятно, стремление унижить других» [1, максима 213]. Ф. Ларошфуко дал совет, как распознавать добродетели и пороки: «Как все предметы лучше всего видны на свету, так наши добродетели и пороки отчетливее всего выступают в лучах удачи» [1, максима 380].

О пороках и порочных людях Ф. Ларошфуко высказывал следующее мнение: «Можно сказать, что пороки ждут нас на жизненном пути, как хозяева постоянных дворов, у которых приходится поочередно останавливаться, и я не думаю, чтобы опыт помог нам их избежать, даже если бы нам было дано пройти этот путь вторично» [1, максима 191]; «Всёцело предаться одному пороку нам обычно мешает лишь то, что у нас их несколько» [1, максима 195]; «Только у великих людей бывают великие пороки» [1, максима 190] и др.

При оценке себя люди часто преуменьшают свою порочность и преувеличивают добродетельность, а при оценке нравов и поступков других, наоборот, преуменьшают добродетельность и преувеличивают порочность. Вот что Ф. Ларошфуко писал по этому поводу: «Мы не дерзаем огульно утверждать, что у нас совсем нет пороков, а у наших врагов совсем нет добродетелей, но в каждом отдельном случае мы почти готовы этому поверить» [1, максима 397]. Однако он делал оговорку: «Как ни склонны люди к неправильным суждениям, все же несправедливость к подлинным достоинствам они проявляют реже, чем благосклонность к мнимым» [1, максима 455].

Итоговое заключение философа о степени склонности людей к добродетельным и порочным поступкам звучит весьма пессимистично: «Насколько преступление легче находит себе покровителей, нежели невинность!» [1, максима 465]. Говоря о причинах и путях распространения в человеческой среде тех и других, он называл один и тот же механизм – под-

ражание (в его терминологии «заражение»): «Пример заразителен, поэтому все благодетели рода человеческого и все злодеи находят подражателей. Добрым делам мы подражаем из чувства соревнования, дурным же – из врожденной злобности, которую стыд сдерживал, а пример выпустил на волю» [1, максима 230].

Таким образом, жизнь людей, согласно Ф. Ларошфуко, – это своеобразный результат взаимодействия судьбы, случая с одной стороны и воли, действий человека с другой стороны. Направляют поведение людей и определяют их настроение в первую очередь страсти. Воздействие страстей сильнее влияния разума, а способность человека познать мир своих страстей, овладеть ими и даже скрыть их от окружающих является весьма ограниченной. Одна из самых сильных человеческих страстей – самолюбие. Оно приводит в действие и все добродетели, и все пороки. Попытки человека овладеть своими страстями, противодействовать им и быть свободным от них даются нелегко и часто оказываются безуспешными. При анализе тактики человеческих действий Ф. Ларошфуко, подвергая их разностороннему критическому разбору, указывал на необходимость самокритичности человека и его большей объективности в отношении себя. Из отдельных черт характера в качестве позитивных он выделял бесстрашие, великодушие, доброту и искренность. При оценке себя люди, по его мнению, склонны преуменьшать свою порочность и преувеличивать добродетельность, а при оценке нравов и поступков других делать наоборот.

Библиографические ссылки

1. Ларошфуко Ф. *Максимы и моральные размышления* [Интернет]. 2019 [процитировано 12 декабря 2023 г.]. Доступно по: <https://nice-books.ru/books/proza/klassicheskaja-proza/137441-fransua-vi-laroshfuko-maksimy-i-moralnye-razmyshleniya.html>.

References

1. La Rochefoucauld F. *Maksimy i moral'nye razmyshleniya* [Maxims and moral reflections] [Internet]. 2019 [cited 2023 December 12]. Available from: <https://nice-books.ru/books/proza/klassicheskaja-proza/137441-fransua-vi-laroshfuko-maksimy-i-moralnye-razmyshleniya.html>. Russian.

Статья поступила в редколлегию 04.02.2024.
Received by editorial board 04.02.2024.